

РОБЕРТ ГОРОДЕЦКИЙ:

«Я САЖУСЬ И ЖДУ,
КОГДА ПОЯВЯТСЯ
ГОЛУБЫЕ КАНАРЕЙКИ...»

Многие думают, что Городецкий, автор знаменитых «Канареек», то ли уехал, то ли пропал куда-то, как все остальные «Лицедои»... Полунин — в Лондоне, Чора — в Америке, Леня Лейкин и Валера Кефт — в Канаде... А он живет в Питере, выступает в маленьком «Чаплин-клубе» и создает собственный спектакль под названием «Театр на бумаге». В этом году Городецкий отметил юбилей — 60 лет. И хотя «лицедои» уважительно называют его Папой, солидности в нем — ноль. Он до сих пор не может понять, почему люди так боятся выглядеть смешными? В этом ведь нет ничего страшного...

Многие думают, что «Голубых канареек» вы сами поете, а оказывается, вы только рты разеваете?

— Да, эту песенку поют по-итальянски болгарские артисты, поэтому ничего не понять, кроме фразы на английском — «блю канари». До сих пор не знаю слов этой песни, только несколько фраз: «Я сажусь и жду, когда появятся голубые канарейки. Иногда они прилетают быстро, а иногда приходится ждать целую неделю». Где-то есть запись на английском, примерно в той же аранжировке. Все собираюсь перевести, но от

ногие думают, что «Голубых канареек» вы сами поете, а оказывается, вы только рты разеваете?

Когда мы уезжали, организаторы концерта меня спросили: «А где же ваша чудесная собачка? Как вы ее дрессировали?»

этого, думаю, уже ничего не изменится. Ведь иногда даже лучше, когда непонятно. По настроению, по атмосфере номер светлый, ностальгический, каждый видит и понимает его по-своему. Вначале планировалось много трюков, но потом стало ясно: в этом нет необходимости, достаточно того, что клоуны только иногда подпрыгивают перед каждым куплетом. Между прочим, это случайно получилось. Один приятель посоветовал: «Вы поете, поете, и тут что-то должно произойти, например, крутое заднее сальто», и невольно чуть-чуть подпрыгнул, а я подумал: «Вот оно и произошло!»

Когда работаю один, выхожу на сцену под фонограмму, выношу сачок и гармошку. Беру из зала людей, даю им «инструменты» и, когда мы «поем», шепчу: «Теперь — прыг!» Потом поднимаю еще кого-нибудь, отдаю свою гармошку, а сам сажусь в зал, смотрю на них и люблюсь: столько счастья на лицах у людей, столько радости!

— А случалось во время выступления фантазировать буквально на ходу?

— Мы всегда стараемся это делать. Скучно ведь стоять за кулисами и ждать своего выхода. Очень хочется похулиганить! Ребята иногда вмешиваются в мои сольные номера, например, со швейной машинкой. Как-то во время паузы,

когда машинка стучит, а я ее в гневе «душу», вдруг выбегают Ляня Лейкин с Валерой Кефтом. Не обращая на меня внимания, Ляня встает на стул, отдает честь и орет в зал: «Песня!» В это время Валера просовывает у него между ног клизму и пускает длинную струю в зал. Нашкодили, спрыгнули и убежали. А в зале зрители уверены, что так и надо!

— Говорят, что Витя Соловьев однажды сорвался с троса и упал в зал. Зрители тоже подумали, что так и надо?

— Когда трос лопнул, Витя свалился прямо на какую-то тетеньку, сидящую в первом ряду. Она наверняка решила, что так и надо, потому что, отряхнувшись, очень веселилась. А иначе бы плакала, наверное... Но этот трюк мы больше не исполняем. Вообще наши зрители — народ терпеливый. Мы их и водой обливаем, и по головам ходим — а они ничего, радуются. Иногда актеры увлекаются и чересчур много жидкости выливают на публику — то клоунские слезы из глаз на них льются потоком, то ведра с водой падают... И вот однажды после спектакля, когда мы уже вышли на поклон, подходит очень хорошо одетый пожилой мужчина, тянет Колю Терентьева за руку и говорит тоненьким голосочком: «Вы меня всего облили!» Коля ему — простите, мол, так получилось. А он: «Да нет, я это не к тому, я просто говорю, что вы меня всего облили!» Коля снова извиняется.

Тот отвечает: «Ну что вы, что вы! Ничего страшного. Но... Вы меня всего облили!» Коля не знал, куда от него деваться.

А когда мы выступали на Дне города в Петропавловской крепости, то устроили там настоящий пожар и потом смешно, по-клоунски, его тушили. Народ нас активно подержал: сначала все вокруг запылило, а потом побежали с ведрами к Неве, дисциплинированно выстроились в цепочку и дружно передавали ведра с водой. И ничего, совместными усилиями потушили, никого даже не пришлось уговаривать.

А порой зрители сами над собой шутят. Как-то Славе Полунину вручили на сцене коробку. Открывает он крышку, а

высокие чиновники, словом, не забалуешь. Полунин, Скворцов и Терентьев показывали номер «Бокс», и на сцену надо было вынести два стула, на которые садятся «боксеры» в перерыве между раундами. Но нас строго-настрого предупредили, что самим стулья таскать нельзя — не положено. Вынес их нам строгий полковник. Выступать было очень тяжело: в зале никто не смеялся, все сидели с каменными лицами и смотрели прямо перед собой. В конце номера Леонид Ильич все-таки улыбнулся и одобрительно крякнул. И тут все, кто сидел рядом, как по команде, начали смеяться и хлопать.

Мы и на съезде Компартии в Кремлевском Дворце съездов выступали. Тоже, кстати, под контролем: из гримерной

Леня встает на стул, Валера просовывает у него между ног клизму и пускает струю прямо в зал

там — большая курица. Слава не подумал, схватил ее и бросил в зал. Курица летит низко над публикой, как реактивный самолет, хлопает крыльями и с перепугу мелко гадит. Дело было летом, зрители одеты легко, так что всем досталось, но никто не жаловался. Видимо, когда люди в хорошем настроении, и неприятности воспринимаются иначе.

— Хорошо, что в зале никого из важных чиновников не было, они ведь люди серьезные, могли и обидеться...

— Смех смехом, но бывало и такое. Без курицы, правда... Выступали мы как-то на правительственном концерте перед Брежневым, вокруг сидят члены Политбюро, какие-то

бежишь в цветных трусах с гармошкой — нет, говорят, здесь нельзя, вот тут, пожалуйста, пройдите, где металлоискатель стоит. Чтобы, значит, не дай Бог, с пистолетом в трусах не выскочил на сцену.

Вы не поверите: мы выступали даже на Лубянке, на юбилее КГБ. Кстати, там очень хороший зал с большой сценой. Как обычно, начали с «Голубых канареек». Стоим, поем, а у нас за спиной от пола до потолка огромные буквы — «70 лет КГБ». Я подумал: вот бы сфотографировал кто-нибудь, ведь 70 лет КГБ бывает один раз в жизни, и один раз в жизни клоуны на таком фоне выступают... Мы отыграли програм-

На наших спектаклях всегда много импровизации — появление Ролана Быкова было для всех сюрпризом

му, а зрители хлопают, на бис вызывают. Тут к нам за кулисы пришел человек и попросил: «Ребята, а вы можете показать что-нибудь такое, чего еще никому не показывали?» И мы впервые показали номер «Низ-зя!» Потом на банкете все только об этом и говорили, смеясь: «Ну, это же у нас во всех кабинетах такое!»

— Роберт, а почему «лицедеи» зовут вас Папой?

— В одной из первых наших гастрольных поездок в

посоветовал: «Знаешь, тебя надо водкой натереть хорошенько и размять — все как рукой снимет! Ты к вечеру стол освободи, на нем удобнее массаж делать, а я зайду». Вечером ребята отправились погулять, а я остался в номере болеть. Перенес на стол матрац, постелил простынку, включил тихую музыку, приглушил свет, улегся и жду приятеля. А он то ли забыл, то ли занят был — нет его и нет. Но мне и так хорошо: лежу себе, релаксирую. Приходят после гулянки ребята, на-

Трос лопнул, и Витя свалился прямо на тетеньку, сидящую в первом ряду. Она решила, что так и надо

Одессе на пляже я познакомился с симпатичной девушкой. Стоим, мило беседуем, вдруг подходит Валера Кефт, обнимает мою девушку за плечи и говорит, показывая на меня: «А это мой папа!» Вот так я стал Папой, решив, что и гастрольная жизнь полна неожиданностей.

— Ваше каждое выступление, наверное, широко рекламируют?

...Однажды исключительно благодаря мне все валом повалили на концерты. Дело было в одном небольшом городке в средней полосе России. Мы жили в гостинице, в номере на несколько человек. Я как-то не вовремя простудился, даже пропустил концерт. Один танцор из Ленконцерта

веселе, конечно, увидели меня и сразу же включились в игру. Начали ползать на четвереньках вокруг стола и причитать: «Ах, дорогой ты наш, любимый, на кого ж ты нас покинул? У кого мы теперь деньги в долг брать будем?» Я лежу, не шевелюсь, глазки закрыл. На шум и крики прибежала дежурная по этажу. Открывает дверь — на столе на белой простыне человек лежит, народ вокруг рыдает. Она испуганно запричитала: «Свят-свят-свят! Что же это такое делается?!» Я думаю: дело, пожалуй, далеко зашло, надо бы снять напряжение, а то еще милицию вызовет. Повернулся и говорю ласково, чтоб не испугать: «Спокойно, мамаша, мы релетируем!» Дежурная в обморок так и хлопнулась.

На следующий день спускаюсь в буфет, а там только об этом и говорят. Днем нашу историю знал уже весь город, и все друг другу разные варианты рассказывали. Мол, ленинградский артист стоял в углу голым или шастал по подоконнику в простыне — то ли умер, то ли воскрес. Надо сказать, благодаря этому случаю все наши концерты проходили с аншлагом.

— Ну а после гастролей, как принято у артистов, расслабляетесь...

— Нет, все мы, конечно, пьем, но так, чтобы не мешало работе. Для меня это правило номер один. А поскольку в артистической среде действительно есть люди пьющие, то порой приходится удерживать их своим примером.

Когда я работал в Ленинградской областной филармонии, у нас была небольшая «деревенская» бригада — выступали мы в совхозах и райцентрах, на маленьких сценах. Както на Украине попросили дать концерт по случаю открытия нового клуба. Выходим из электрички — темно, метель, стоят тракторы с прицепами вроде саней. Выдали нам тулупы и в этих импровизированных санях повезли в колхозный клуб. Выступили, сельчане остались довольны, а после концерта председатель колхоза закатил банкет: длинный дощатый стол в большой избе ломился от натуральной здоровой пищи: мед, сало, вареные яйца... Водку — в зеленых бутылках без этикеток — подносили в ведрах со льдом.

Чтобы удержать от соблазна приятеля-артиста, которого только-только с большим трудом вылечили от алкоголизма, мы сели на углу стола, и я потихонечку потягивал «плодово-ягодное». Напротив сидел главный агроном с женой. Он долго за мной наблюдал, а потом говорит жене: «Зин, смотри, мы с тобой водку пьем, а фокусник что?» Я говорю: «Вино. А вот что вы пьете, непонятно!» Агроном удивился: «Как что? Водку!» Беру его стакан, отхлебываю и качаю головой: «Извините, но это вода». Отдаю обратно и продолжаю болтать, не обращая на них внимания. Слышу, тот с Зинкой обсуждает: «Что за ерунда? Это ж водка! А он говорит — вода. Давай ему еще нальем... Эй, фокусник! Это водка!» Я беру, пью: «Вода». И снова наливаю себе винца. Агро-

Выкройки больших мячей всегда поручали делать мне, потому что у меня они выходили круглые

Фото на память с «Лицедеями»: «Сейчас вылетит птичка!»

ном начинает заводиться, подзывает бабу Машу с ведром, берет свеженькую зеленую бутылку, наливает полный стакан, подвигает Зинке. Она хлебнула: «Водка». Агроном попробовал: «Водка!... Фокусник?!» Я полстакана выпил: «Вода!», а у самого глаза уже из орбит лезут. Но почему-то я не пьянел, держался до последнего. Видимо, сработало само внушение, будто я и впрямь пью воду.

Дело кончилось тем, что агроном с Зинкой свалились со скамьи, а я сижу, разговариваю и трезв при этом как стеклышко! Когда банкет закончился, стали распределять, кто у кого будет ночевать, и тут из-под стола заплетаются го-

ли акт и дали нам расписаться. Она поставила свою подпись, протягивает бумагу мне. А я не расписываюсь и говорю милиционеру: «Гражданин начальник! Ну зачем акт составлять?» Он в ответ сурово: «Ну как же? Вы продавали джинсы!» А я вдруг взял, смял этот акт, дунул — в руке ничего нет. Милиционер совершенно обалдел: «Где бумага-то?» — «Так я же вам говорю — не нужно, вот и нету!» — «Ну как же так? Только что была!» — «Да не было ничего!»

Я их заинтриговал. Слово за слово, мол, артисты мы из Ленинграда, и часа два показывал в отделении фокусы, пока нас наконец не отпустили. Когда уходили, милиционер

Курица летит низко над публикой, как реактивный самолет, хлопает крыльями и с перепугу мелко гадит

лос агронома: «Фок-кусник поедет ко мне!» По морозцу в двуколке проехали, он вроде немного в себя пришел, а дома все сначала... Выставил на стол водку, мед, сало. Но мне как налили 25 грамм, я тут же и вырубился. Перегорел, видимо. Зато агроном потом с почетом меня к поезду доставил, даже в сопровождении местного милиционера.

— Это единственный раз, когда вам пришлось иметь дело с милицией?

— Нет, конечно. В моей биографии есть даже одно задержание. Как-то на гастролях, еще в доперестроечные времена, наша костюмерша уговорила меня пойти с ней на рынок: джинсы хотела продать. Ее за спекуляцию забрали, а я пошел вместе с ней в милицию добровольно. Там состави-

жились: «Ну ладно уж, забирайте свои джинсы!» А я уже в дверях оборачиваюсь и говорю: «Так джинсы-то давным-давно у меня в сумке!»

— С ловкими руками фокусника в жизни не пропадешь...

— Глаза бояться — руки делают. Даже то, что никогда раньше не делали. Главное — не трусить. Я вот в молодости себе на «Зингере» классные полосатые штаны сшил. Бабки оборачивались и сердито говорили вслед: «Вырядился как клоун!» Однажды я даже шубу сшил. Влюбился в девушку, а у нее была старая нутриевая шуба — длинная, страшная, вся в залысинах. Ну я распорол ее на кусочки и смастерил такой модный короткий полшубок с большим воротни-

Хотя все «лицедеи» уважительно называют его Папой, солидности в нем — ноль. Он до сих пор не может понять, почему люди так боятся выглядеть смешными?

Кто-то уехал, кто-то пропал куда-то... Полуинн — в Лондоне, Чора — в Америке, Леня Лейкин и Валера Кефт — в Канаде

ком. Все надо мной смеялись, когда на гастролях я переезжал из одного города в другой с мешком меха, зато труд мой был оценен ею по достоинству.

— Роберт, а правда, что у вас все в семье медицинские работники?

— Самое смешное — у меня ведь и жена, и дочка — логопеды. А я вот картавлю букву <р> не выговариваю с детства. Мои дамы пытались исправить дефект, но побороть его им не удалось, хотя иногда правильный звук все-таки пробивается.

...Произошло это, когда я учился во втором классе. Мы жили в Парголово, под Питером. И беспредельное стремление везде и во всем быть первым сослужило мне тогда плохую службу. Зимой мы с другом Вовкой возвращались из школы огородами, по тропинке. Смотрим — кто-то выбросил старую кровать с никелированными спинками. Вовка говорит: если лизнуть железяку, язык прилипает. И я ему предложил соревнование — кто дольше продержится. Я победил...

Язык примерз намертво. И пока Вовка бегал в избу за чайником с горячей водой, я стоял в глупой позе, чувствуя, что с каждой минутой он прилипает все сильнее. И тогда я зубами отгрыз кончик языка... А может, дело совсем не в спинке кровати, а в чем-то другом. Но мне это не мешает, я уже привык.

— У вас в жизни случались странные совпадения?

— Ой, да сколько угодно! В детстве мы с родителями жили напротив цирка, на улице Белинского. Однажды я нашел на улице какой-то ключик, и он подошел к замку от служебной двери цирка, словно в сказке про Буратино. Мы постоянно бегали туда всем двором. Получается, это мне знак был...

Беседовала Ильмира Степанова